Фомина Татьяна Юрьевна

ПОРЯДОК ПОСТАВЛЕНИЯ АРХИЕРЕЕВ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В статье на основе комплекса исторических источников и историографии предпринимается попытка реконструкции чина возведения в сан архиереев домонгольской Руси. Анализ процедуры в целом для изучаемого периода не представляется возможным. Однако сохранившиеся известия свидетельствуют об отсутствии единых канонических традиций на территории русских княжеств, наличии региональных особенностей избрания епископов и светской инвеституры для обеспечения легитимности архиерейской власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 182-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

В-четвертых, само количество и многоуровневость сформированной в Ростове-на-Дону системы непрерывного профессионального художественного образования, обеспечивает ее устойчивость, и, как следствие этого, преемственность между поколениями художников. Это позволяет делать выводы об устойчивых тенденциях в развитии искусства города и области, которые также во многом определяют и направленность художественного рынка.

Список литературы

1. **Демкина С. Н., Ушакова Л. Г., Хабарова М. В., Арзуманидис П. А., Мясников Г. П.** Каталог выставки «ЮГ РОССИИ». Ростов н/Д, 2010. 70 с.
2. **Досси П.** Продано! Искусство и деньги. СПб.: Лимбус Пресс; ООО «Издательство К. Тублина», 2011. 288 с.
3. **Рудницкая Ю. Л.** Художники Дона. Л.: Художник РСФСР, 1987. 234 с.
4. **Рязанов В. В.** От первого приюта до наших дней. Из истории изобразительного искусства Нихичевани-на-Дону. Ростов н/Д: ООО «Ковчег», 2011. 156 с.
5. **Ушакова Л. Г.** Из XX века в XXI век: приложение к коллективной монографии преподавателей кафедры изобразительного искусства ХГФ ПИ ЮФУ «Актуальные проблемы художественно-педагогического образования». Ростов н/Д, 2007. 102 с.

ACTIVITY OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS AS IMPORTANT FACTOR OF DEVELOPING ART MARKET (BY THE EXAMPLE OF ROSTOV-ON-DON AND THE REGION)

Fis'kov Anatolii Anatol'evich
Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences
aaf2308@yandex.ru

The Russian art market, being at the stage of formation, is of great interest from the viewpoint of science. In the article the author examines the specifics of the formation of a regional art market by the example of Rostov-on-Don. As it is noted, the activity of the educational institutions of artistic type plays an important role in this process. In the paper the author presents historical data on the formation of artistic education in the Don region and its influence on the artistic life of the city and the region. Summing it up, the author introduces structured conclusions on how the system of professional education determines the vector of the development of a regional art market.

Key words and phrases: art market; artistic life; professional artistic education; higher education institutions; visual art.

УДК 93/94
Исторические науки и археология

В статье на основе комплекса исторических источников и историографии предпринимается попытка реконструкции чина возведения в сан архиереев домонгольской Руси. Анализ процедуры в целом для изучаемого периода не представляется возможным. Однако сохранившиеся известия свидетельствуют об отсутствии единых канонических традиций на территории русских княжеств, наличии региональных особенностей избрания епископов и светской инвеституры для обеспечения легитимности архиерейской власти.

Ключевые слова и фразы: Древняя Русь; церковная иерархия; архиереи; епископы.

Фомина Татьяна Юрьевна, к.и.н.
Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
stal73@yandex.ru

ПОРЯДОК ПОСТАВЛЕНИЯ АРХИЕРЕЕВ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ©

В рамках изучения церковной истории древнерусского периода очень часто за пределами исследования остается детализация порядка возведения епископов в сан. Достаточных оснований для окончательных выводов по данному вопросу современная историческая наука не имеет. Между тем в условиях средневековых церковно-политических и канонических реалий данный акт имел ритуально-политическое значение в институализации епископской власти. Согласно каноническим нормам поставление состоит из процедуры избрания, наречения, рукоположения (хиротонии) и прибытия архипастыря на кафедру. Изучение чина избрания и поставления епископов в домонгольский период осложняется тем, что сведения о нем не сохранились ни в одной известной на сегодняшний день редакции Кормчих книг. По мнению М. В. Корогодиной текст Чина либо был не известен русскому духовенству, либо русские книжники «не воспринимали его как относящийся к тематике кормчих книг» [10, с. 115-116]. Большое значение в исторической реконструкции имеет терминология, которой в домонгольский период описывалось поставление архиереев на кафедру.

© Фомина Т. Ю., 2014

Используемые в летописных источниках понятия касаются в первую очередь богослужебного (мистического) действия, и обозначаются терминами «возведен» или «поставлен». Насколько позволяет судить контекст известий, понятие «возведен» можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, «как возведение в сан», тогда оно идентично термину «рукоположен». С другой – понятие употребляется при описании процедуры избрания новгородских владык во второй половине XII в. и звучит, как «введен / возведен в сени / во двор» [14, с. 216-217, 263]. В последнем из упомянутых контекстов термин «возведен» употребляется после осуществления процедуры избрания кандидата, но вне хиротонии. Чаще в исторических источниках упоминается термин «поставлен» [17, с. 109, 316], которым обозначалась процедура избрания кандидатов и их хиротония. Но в целом ряде случаев значение «поставлен» употреблялось, когда кандидаты возводились на кафедру в соответствии с княжеским решением. В некоторых ситуациях подобные попытки оцениваются как незаконные и обозначаются словом «наскакати» [Там же, с. 380]. Подобное словоупотребление имеет место и в случаях, когда хиротония происходила много позже поставления в должность, нередко по причине противоречий духовной и светской властей.

Сведения о святительской деятельности архиереев достаточно часто появляются на страницах летописей и рассматриваются как неотъемлемая часть религиозной жизни княжества. При этом наберется не более двух десятков архиереев, о жизни и деятельности которых нам известны хоть какие-то сведения. Еще более скупо представлены известия о процедуре поставления высшего духовенства на кафедру.

Избрание представляет собой первый этап процедуры возведения епископа в сан. Церковно-правовые основы совершения данного таинства нашли отражение в «Постановлениях святых апостолов о рукоположениях»: «Во епископа рукополагать, как в предыдущем все мы вместе постановили, того, кто беспорочен во всем, избран всем народом, как наилучший…» [32, с. 115] Следовательно, древнейшие каноны рекомендуют избрание епископа христианской общиной. Подобная традиция в изучаемый период была реализована в Великом Новгороде [14, с. 228-229, 231], Суздале [17, с. 432], Турове [9, с. 62-64].

Со времен раннего христианства существовал ещѐ один способ избрания епископов – решением соборов, которые в этом случае носили чрезвычайный характер. Важнейшими при избрании епископа считались три момента: «1) избрание или вернее указание народом, прибывшим в общину епископам, желательных кандидатов в епископа; 2) избрание из них чрез епископский суд одного определенного кандидата; 3) выражение согласия народом на выбор епископов» [2, с. 137].

Представляется достаточно сложным оценить степень соответствия реалий церковной жизни домонгольской Руси, данным каноническим нормам. В истории соборной жизни мы можем назвать лишь два собора, избиравшие архиереев. В 1051 г. был возведен на митрополичью кафедру «русин» Иларион, возведение в сан митрополита Климента Смолятича датируется 1147 г. В этих случаях светскими и духовными властями реализовывалось правило «два-три епископа поставляют митрополита». Это правило, так или иначе, соблюдалось в Восточной Церкви в течение обозримого прошлого, а примеры отступления от него всегда оговаривались. Согласно исследованиям по исторической литургике, хорошо изученной еще в историографии дооктябрьского и частично советского периодов, значительную роль при осуществлении процедуры поставления митрополита собором епископов играют церковные чиновники (евхологи), присутствие которых на Киевском соборе 1147 г. источниками не замечено [3; 5; 6; 7; 8; 25; 26; 27]. Однако эту роль мог исполнять, например, Онуфрий Черниговский, который с 1145 г. управлял делами митрополии. В той ситуации собор прибег к дополнительному аргументу для обоснования каноничности рукоположения автокефального архиерея – главе св. Климента [11, с. 92-97, 99-100]. При этом организаторы обряда апеллировали к практике поставления рукою св. Иоанна Предтечи в Константинополе. Подобные прецеденты совершаются в Восточной Церкви в случаях, когда есть сомнения в каноничности процедуры. Все необходимые при подобных экстраординарных случаях священнодействия на соборе 1147 г. были соблюдены, и в легитимности власти Климента Смолятича сомнений быть не могло. Однако жесткая оппозиция в лице новгородского владыки Нифонта и колеблющегося епископа Мануила Смоленского, основывалась лишь на том, что Климент избран собором не единогласно. Подобный прецедент в правилах не оговаривался как безусловное требование чина поставления. Непонятно, почему грекофил Нифонт и грек Мануил требовали при совершении церковной процедуры исполнения не церковных канонов, а практики народных собраний. По сути дела, они апеллировали к вечевой норме единогласия. Это свидетельствует о чертах большого «своеобразия» русской церковной жизни того времени.

Другие соборы, согласно каноническим традициям принадлежащие к числу «чрезвычайных» (с целью избрания епископов) на Руси, не известны. Скорее всего, в изучаемый период традиция проведения подобных соборов так и не сложилась. Даже указание под 1231 г. о поставлении Кирилла Ростовского митрополитом Кириллом «с окрестными епископами иже сут сии иже и стиша и с митрополитом Перфурии Черниговский епископ Олекса Полоцкий епископ и ина в епископа Белогородский и Юрьевский» [17, с. 316] не носило общецерковного характера. Летописец зафиксировал лишь присутствие ближайших к Киеву иерархов.

Вопрос о поставлении в конце X – начале XI в. киевскими митрополитами кандидатов на епископские должности нам представляется не таким уж бесспорным. Раннее летописание не даѐт оснований говорить, что первые русские митрополиты пользовались таким правом, либо сам институт этой власти складывался «с запаздыванием». К сожалению, оснований утверждать то, что киевские первосвятители времѐн Владимира и Ярослава рукополагали епископов, нет. Нет даже бесспорных свидетельств присутствия митрополитов на Руси до 1039 г.

В практике Русской Православной Церкви наречение во епископа совершается в храме отдельно от хиротонии по чину, сложившемуся не позднее XVII века. Однако для домонгольского периода мы не можем в полной мере реконструировать данное священнодействие. Вероятно, конкретное исполнение чина могло зависеть от степени канонической грамотности епископата, отличаться степенью полноты проведения обряда.

За наречением следует рукоположение (хиротония) кандидата в священство. Хиротония или рукоположение представляет собой богослужебное поставление, совершение таинства, которое является обязательным элементом возведения на кафедру и связано с дарованием титула. Без титула избранный епископ не может иметь отношения к конкретной кафедре, а следовательно, лишен права служить, рукополагать, управлять. Посаждение на кафедру могло быть и номинальным, в случае когда епископ не имел возможности управлять в силу объективных причин – препятствий со стороны княжеской власти, опасности и прочее. Кроме того, поставление на кафедру происходило и в отношении уже поставленного на другую кафедру епископа, например, при его перемещении с одной кафедры на другую. В этом случае хиротония не предполагалась, как это произошло в отношении бывших новгородских архиереев Митрофана и Антония, перемещенных на Торопецкую и Перемышльскую кафедры соответственно [14, с. 239, 250].

К сожалению, подробных сведений о том, как совершалось рукоположение, как проходила вся процедура хиротонии в X-XIII вв., не сохранилось. Ряд летописных известий домонгольского периода лишь сообщает о поставлении епископа рукой киевского митрополита. Например, в 1105 г. «постави митрополит Анфилохыя епископа Володимерю… постави Лазоря Переяславлю… постави Мину Полотьске» [20, с. 178]. В других известиях возведение архиереев приписывают князю. Например, в 1034 г. «иде Ярослав к Новугороду. Посади сына своего Владимира в Новегороде епископа постави Жидятоу» [Там же]. Степень достоверности известий источника не вызывает сомнений у исследователей и дает веские основания полагать, что церковная инвеститура, устанавливавшая зависимость епископа от митрополита и патриарха либо отсутствовала вовсе, либо уступала свое место инвеституре светской. Но чаще в летописях применяется безличная форма, без уточнения «поставиша»: 1112 г. – «и поставиша Феоктиста епископом Чернигову игумена Печерьскаго» [Там же, с. 190]; 1113 г. – «том же лете поставиша епископа Данила Гургеву, а Белугороду Никиту» [Там же, с. 192]; 1137 г. – «поставленъ бы скопечь Маноуило епископом Смоленескоу» [Там же, с. 209]; 1141 г. – «поставиша епископа Переяславлю именем Еоуфимья» [Там же, с. 214]; 1143 г. – «поставиша епископа Черниговоу именем Онофрья… поставиша епископа Полотьскоу Козмоу» [Там же, с. 218]. При таких трафаретных и неопределенных формулировках процедура хиротонии с трудом поддается уточнению. Совершенно очевидно, что она имела свои особенности в различных русских княжествах.

Достаточно подробные сведения о порядке поставления архипастырей содержат летописные свидетельства о возведении в сан владык Великого Новгорода. Нагляден пример епископа Аркадия, который в апреле 1156 г. был единогласно «избран во владыки» и «возведен на сени», т.е. введен в архиерейский дом: «и поручивше ему епископью въ дворе святыя Софея, дондеже приидеть митрополит в Русь; и тогда приидеши ставится» [Там же, с. 216-217]. Особенность данного прецедента заключается в том, что избрание архиерея осуществлялось паствой из нескольких кандидатов. При этом хиротония совершается рукой киевского митрополита Константина и рассматривается как важнейшая часть процедуры поставления. Примечательно, что митрополит Константин, рукополагавший Аркадия, был тем самым архиереем, которого ждал в Киеве владыка Нифонт. Но для нас важно то, что Новгород реализовывал принципы, которые были заложены владыкой Нифонтом, и признавал лишь власть архиереев, поставленных в Киев Константинополем.

Весьма интересная ситуация наблюдается при возведении на новгородский престол владыки Ильи, избранного из приходского духовенства. Новгородская первая летопись описывает это событие следующим образом: «Поставлен бысть Илья архиепископъ новгородскыи от митрополита Иоанна при великом князе рустемь Ростиславе… В то же лето ходи игумен Деонисии с любовью в Русь, и повелено бысть владыце архиепископьство митрополитомъ» (1165 г.) [Там же, с. 219]. Никоновский свод излагает произошедшее несколько иначе под 1166 г.: «Наугородцкий епископ Илиа посла многи дары въ Киев къ пресвященному Ивану митрополиту Киевскому и всеа Руси… Того же лета Новогородцкий епископъ Илья самъ иде въ Киев къ митрополиту со игуменомъ Дионисием и съ посадники, со многою честию; митрополит же Иван Киевский и всеа Руси учествова его зело, и повеле ему архиепископомъ называтися, и сице оттуду начало приатъ епископ Новогородцкий архиепископомъ владыкою Наугородцкимъ нарицатися благословениемъ Ивана митрополита Киевскаго и всеа Руси; и даде ему митрополитъ ризы и стихрарь со источникы, и бысть радость многа въ Новегороде, и даша многи дары, злато, исребро, и жемчюгъ и отъ всякого шелкова, и от всякого мягкого, и отъ иныхъ многихъ дары, якоже и число превзыде, Ивану митрополиту киевскому и всеа Руси» [18, с. 233]. Сравнение показывает наличие противоречий между двумя свидетельствами. Попробуем реконструировать описываемые события.

После избрания Ильи новгородская летопись сообщает о поездке кандидата для поставления к киевскому митрополиту, в то время как Никоновский свод сообщает лишь о посылке в Киев «многих даров». Под тем же годом (в Никоновской летописи под 1166 г.) сообщается о поездке Юрьевского игумена Дионисия в Киев для переговоров о получении Ильей сана архиепископа. В варианте Никоновского свода кандидат идет в Киев лично. Этот момент, с точки зрения канонической практики, имеет большое значение. Либо Илья удостоился сана архиепископа так же, как Нифонт [20, с. 333], заочно, но на этот раз передачей благословенной не патриаршей, а митрополичьей грамоты (ее существование науке не известно). К сожалению, летописание об интересующих нас обстоятельствах ничего не сообщает. В случае с Ильей возможны были обе процедуры. Важно, что митрополит «повеле» Илье называться «владыкой» и передал ему необходимые символы власти «ризы и стихрарь со источникы». После чего следует повторное указание на предачу щедрых подарков митрополиту – «даша многи дары, злато, исребро, и жемчюгъ и отъ всякого шелкова, и от всякого мягкого». Показательно, что богатые дары в этой ситуации могут восприниматься как симония, т.е. покупка святительского сана, за что полагается извержение из сана [32, с. 111-112]. Но известия о подношениях

помещены лишь в Никоновском своде, создание которого относится к XVI в., когда подарки воспринимались как необходимый атрибут проведения ритуала. Так что, возможно, поздний свод лишь пытался восстановить события второй половины XII, исходя из традиций и канонической культуры своего времени.

Возведение в сан следующего новгородского владыки Гавриила (Григория), родного брата упоминаемого выше архиепископа Ильи, представляет интерес в двух аспектах – выбор кандидата и принятие монашеского чина. Ведущую роль в процедуре выбора кандидата на архиерейскую должность летописец отводил князю, который действовал единодушно с новгородцами и клиром: «Новгородци же съ княземъ Мьстиславомъ, съ игумены и с попы и съ крилосом святыя Софея, сдумавши собе изволиша поставити брата его Гавриила и послаша с молбою к митрополиту в Киев к Никифору и присла по него митрополит и вси князи рускыи и пояша и с любовию» [14, с. 228-229]. Таким образом, инициатива исходила от князя, знати и духовенства. Кандидатура ставленника согласовывалась с митрополитом и русскими князьями (как минимум киевскими), после чего кандидат вызывался для хиротонии [Там же, с. 231]. Но открытым остается другой вопрос. Не вполне ясно, когда пришедшие из мирского духовенства на кафедру Илья и Гавриил приняли монашеский постриг. Случилось ли это до принятия архиерейского сана, как это предполагается в канонической практике и на чѣм настаивает церковная историография [12, с. 348-349; 13, с. 29-30], либо во время служения или перед смертью. Новгород, имея тесные связи с Западной Европой, мог ориентироваться на традиции, описанные еще киевским митрополитом Георгием. Он категорическим образом воспрещал возведение бельца в епископство и предписывал низвержение такового из сана, если обряд пострижения будет совершен после хиротонии [24, с. 254]. Документ недвусмысленно свидетельствует, что практика «поставить епископом бельца» существовала на Руси [15, с. 191-198].

Под 1193 г. новгородский летописец в очередной раз сообщает о процедуре избрания кандидатов на владычные должности: «новгородци же съ княземь Ярославомъ, съ игумены и съ софияны и с попы и думаша собе: инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантуриа а и сии хотяху пакы Гричина; в нихъ пакы распря бысть немала, и ркоша къ себе: —а сице положим три жребиа на святеи тряпезе въ святеи Софеи". И абие положиша и повелеша пети святую литургию, и по совершении службы и послаша с веца слепца, да котораго дасть богъи выняся божию благодатью жребии Мантуриевъ и послаша по его и привезоша и из Русе и посадиша его въ епископле дворе, и послаша о немь къ митрополиту, и митрополит пакы прислаше по него съ великою честью» [14, с. 231-232]. Как видим, процедура выборов отражает весь накал борьбы противоборствующих боярских группировок [31]. Два кандидата представляют местное духовенство – Митрофан и Мартирий. Часть паствы склонилась к «гричину», т.е. согласилась принять кандидатуру, предложенную киевским митрополитом и, соответственно, князем. Судьбу Новгорода в возникшей ситуации решил жребий, который воспринимался провиденциально и в Новгороде стал использоваться в качестве ключевого принципа при избрании владыки.

Об ином свидетельствуют события 1223 г., когда «Арсениа инока изъ обителе святаго Спаса Хутиньскаго» «въведоша въ дворъ», а затем изгнали решением веча [14, с. 263]. В 1129 г. назначение новгородского архиерея происходило в обстановке политической борьбы, когда в качестве соперников выступали дьякон Юрьева монастыря, митрополичий кандидат («и кого дасть митрополит, тъ есть намъ отець») и Иосиф Владимирский [Там же, с. 274]. Следовательно, можно наблюдать существенные изменения в системе взаимоотношений кафедр и общин. Это нашло своѐ выражение в попытке Владимиро-Волынского княжества оказать влияние на политические процессы в Новгородской земле через поставление своего кандидата на вакантную кафедру [21, с. 465].

Несмотря на накал противоречий, неизменным оставалось требование соблюдения канонического условия – возведения на кафедру рукой киевского митрополита [14, с. 276]. К концу изучаемого периода это происходило порой гораздо позже процедуры избрания. Так, например, поставление владыки Аркадия, затем Митрофана осуществилось лишь спустя два года после их избрания [Там же, с. 216-217]. Летописи донесли до нас детали, которыми обставлялась процедура. В частности, Митрофан «иде в Русь ставится к митрополиту с новгородчкыми мужии со Всеволожими» [Там же, с. 239], т.е. в сопровождении внушительной и авторитетной делегации. Присутствие такого нарочитого представительства может рассматриваться как демонстрация поддержки кандидата, своего рода «рекомендация» правящих элит двух княжеств, обеспечивавших охрану и безопасность будущего архиерея.

Причины задержки рукоположения летописцем не указываются, но, возможно, они находятся в политической плоскости. Всеволод мог наблюдать за тем, как сложатся отношения между новгородцами и его сыном Святославом. Не исключено, что великий князь желал знать, сумеет ли молодой княжич удержать престол. Причина могла быть и более прозаичной – потребовалось время, чтобы накопить средства, позволившие добиться от митрополита согласия на рукоположение и совершение в отношении новоизбранного архиепископа церковной инвеституры.

Примечательно, что следующий после насильно смещенного владыки Митрофана архиерей Добрыня Ядрейкович так же пришел к власти путем избрания: «Волею божиею възлюби и князь Мьстиславъ и вси новгородци» после чего «послаша и в Русь ставится» [Там же, с. 250]. В то время как Митрофан без согласия и санкции киевского митрополита был смещен с кафедры и направлен в Торопец [Там же]. Таким образом, перемещение на несуществующую кафедру произошло без соблюдения каких-либо канонических норм.

Понятно, что Торопецкая кафедра была определена для изгнанника лишь как место кормления иерарха и его почетного пребывания. Однако в 1219 г., когда возникла новая спорная ситуация вокруг проблемы определения архиерея, которому надлежало остаться на новгородской кафедре, киевский митрополит выступил в качестве силы, способной каноническими средствами разрешить сложившийся конфликт: «Князь и новгородци ркоша Митрофану и Онтону: —дита к митрополиту, да коего нам послеть, то намъ владыка";

и пустиша с ними Васьяна священноинока, а другаго священника Бориса» [Там же, с. 261]. Уже в следующем году «прииде архиепископъ Митрофанъ, оправивъся богом и святою Софиею, в Новъгород марта въ 17, на память святого отца нашего Симеона иже в Персиде; а Антониа митрополит у себе держи въ чести, и вда ему епископью въ Перемышле» [Там же].

Можно видеть, как в Новгороде к началу XIII в. устанавливается традиция избрания кандидатов в священство из трех претендентов путем жребия. Следовавшее за тем поставление, с участием киевского митрополита являлось способом легитимизации власти местных святителей. Насколько была распространена подобная практика в других русских княжествах или это особенность новгородской земли, еще предстоит выяснить.

Так, в Ростовской земле ситуация заметно отличалась от новгородской. В 1215 г. митрополитом Матфеем в Ростов был поставлен инок Кирилл «изъ митрополичя манастыря изъ Суздаля святаго Дмитра» [19, с. 69]. Следовательно, возможность вмешательства митрополита в дела епископий находилась в прямой зависимости от политической ситуации в русских княжествах, степени влиятельности и канонической зрелости местных элит и клира.

Практически во всех землях княжеская власть стремилась играть самую активную роль в поставлении епископов. Вот характерный пример. Белгородский князь Рюрик без митрополичьего благословения поставил «епископомъ отца своего дхвнаго игоумена стого Михаила Андреяна Выдобычиского» [20, с. 456]. В 1199 г. возведение на новгородский престол князем своего малолетнего сына Святослава позволило Всеволоду Большое Гнездо принимать решение о кандидатуре нового архиепископа городу в лице владыки Митрофана [14, с. 238].

В приведенных ситуациях князья не нуждались в дополнительной легитимизации власти избранных ими владык, что может свидетельствовать о падении авторитета митрополичьей власти и утрате ею контроля над подвластным ей каноническим округом.

Схожие процессы наблюдались во Владимире. Поставление ростовского епископа Федора (Феодорца) произошло по воле Андрея Боголюбского в обход Киева. Но ситуация изменилась и под 1172 г., летопись сообщает что князь «велящю ему ити (*Федору – Т. Ф.*) ставиться к митрополиту Киеву не въсхоте паче же Б[ог]у не хотящу его и стое Б[огороди]ци извьрже его изъ земли Ростовьское» [17, с. 378]. Вызывает недоумение, какие обстоятельства могли побудить Андрея Боголюбского требовать поставления Федора рукой киевского митрополита после намерения установить автокефалию. Правда, события, связанные с поездкой Феодора в Киев полны недосказанности, и вполне возможно, летописец лукавил. Пребывание владыки Федора в столице Руси могло быть связано с выполнением поручений князя Андрея, дипломатическими функциями, в ходе которых он оказался под судом киевского митрополита с последующей жестокой расправой [18, с. 240-241].

Следующий по времени конфликт разгорелся между киевским митрополитом и Суздальским княжеством в 1183 г. после смерти епископа Леона Ростовского, когда решением киевского архиерея на вакантную кафедру был поставлен Никола Гречин, а Суздальский князь Всеволод Юрьевич настаивал на кандидатуре Луки, игумена Спасского монастыря на Берестове [17, с. 432]. Разрешился инцидент победой княжеской власти, а митрополичий ставленник был направлен на вдовствующую полоцкую кафедру.

В числе интереснейших известий, проливающих свет на процедуру возведения в сан архиереев Ростову, относится запись Лаврентьевской летописи под 1230 г.: «Василко и Всеволодъ и Володимеръ послаша къ отцю своему Гюргю и къ епископу Митрофану по Кирила игумена и архимандрита манастыря стыя Бца Ржства дабы и пустилъ на епспьство Ростову». Получив согласие, «княз и княгыни и Боляре и вси мужи Ростовьсныя и игумени и попове и стыя зборныя цркве клиросъ и вси гражане от мала и до велика и введоша (*Кирилла – Т. Ф.*) и с великою чстью в стую зборную црквь стыя Бца» [Там же, с. 314]. Летопись донесла до нас свидетельство об избрании епископа решением княжеской власти и возведении Кирилла на кафедру христианской общиной и церковным клиром. Канонически в подобной ситуации он остается лишь нареченным епископом, т.е. кандидатом с правом административного управления. В следующем году епископ Кирилл был «пасвящен». А несколько позже киевский митрополит Кирилл «выведоша» его на кафедру Святой Богородицы [Там же, с. 316-318]. Каждый из шагов, по мнению участников события, воспринимался достаточным для признания каноничности процедуры избрания и наречения. Но, помимо избрания, летописец подтверждает и факт рукоположения (хиротонии) Кирилла, а также последующее прибытие того на кафедру: «и сяде на стол своем настолник сы и наместник святых епископ» [Там же, с. 318]. Следовательно, на Руси не получила распространения древняя традиция, предполагавшая, что официальное вступления епископа в должность объявляла Церковь [2, с. 15]. Правда, возможно, в условиях Средневековья, не проводившего чѐткой черты между священным и светским, сами городские элиты и князь рассматривали себя той малой церковью, которая имела право принимать подобное решение. Так или иначе, но легитимность духовной власти епископа в домонгольский период обеспечивалась поддержкой политических элит. Демонстрацией признания законности прав епископа было совершение им службы в кафедральном соборе.

Были примеры согласованных действий политической власти в лице киевского князя и митрополита. Вспомним процедуру возведения на кафедру скопца Мануила, «иже бе пришелъ изъ Грекъ самъ третии к благолюбивому князю Мьстиславоу» [17, с. 209]. В подтверждение легитимности своей власти им самостоятельно была составлена грамота, что «уставили епископью Смоленьскую» митрополит русский Михаил при благоверном и христолюбивом князе Михаиле [28]. Однако грамота князя Ростислава Мстиславича несколько иначе представляет процедуру учреждения епископии в Смоленске: «приведох епископа Смоленску, здоумав с людми своими, по повелению отца своего святого, еже хотев при животе своем сътворити, ино есть зде первее сего не бывало епископьи, да яз недостойныи, грешныи се оуставляю епископью, о нем же епископу быти живу и с клиросом своим» [17, с. 209]. Подобная ситуация, при которой церковный иерарх приводится на место служения представителями политической элиты, не единственная. Например, Анна Всеволодовна ходила в Константинополь за митрополитом Киеву и привела на кафедру «скопца» Иоанна [Там же, с. 208].

Русская специфика выводит на проблему инвеституры, которая подразумевает легитимизацию власти архиереев, в том числе от светских властей. Политическая верхушка активно влияла на подбор кандидатов в епископы либо самостоятельно поставляла архиереев на кафедры [4]. Вероятно, подобным способом Рюриковичи и боярские кланы стремились ослабить византийское и усилить местное влияние в церковной иерархии Руси [16]. При этом можно говорить о различии способов и символов княжеской / светской инвеституры в различных русских землях и у латинян.

Если в Западной Европе лицо духовного звания получало рыцарское достоинство и символические знаки – посох, перстень, жезл [11, с. 34], то во Владимиро-Суздальском княжестве символом архиерейского достоинства был – белый клобук [22; 23]. В Киеве оказание архиерею князем «чести» может рассматриваться как скрытая форма инвеституры, соотносимая с ритуалом чествования [17, с. 332-334; 18, с. 232]. Последний, возможно, имел и свое материальное выражение [1, с. 73]. В Великом Новгороде после избрания следовало возведение кандидата «на сени или во двор» [14, с. 216-217]. В качестве следствия светской (княжеской или городской) инвеституры можно рассматривать и награждение некоторых епископов титулом «владыка», предполагавшего передачу епископам некоторых светских полномочий [1, с. 73].

Появление такого символа княжеской инвеституры, как белый клобук, имело место при назначении ростовского епископа Федора, который именуется летописцем пренебрежительно как «Феодорец Белый клобучек». Высказывалось предположение, что клобук представлял собой островерхую шапку, отороченную мехом, которую позволяли себе носить на Руси лишь представители княжеской династии [23]. Но в данной ситуации, скорее всего, имелся в виду митрополичий головной убор, поскольку Андрей Боголюбский хотел ввести традицию поставления во главе Церкви русского первоиерарха. Федор в той ситуации был прямым соперником киевского митрополита. Белый клобук и другие элементы одежды обладали для архиереев принципиальным значением при декларировании своего социального и правового положения. Отсутствует ясность и в вопросе о том, кто из церковных лиц в домонгольский период имел право носить данный вид убора. Принято считать, что как атрибут высшей церковной власти белый клобук стал осознаваться лишь в XV столетии. Но для изучаемого времени, как верно отметил П. И. Гайденко, «торжественным княжеским цветом считался белый цвет», зафиксированный византийцами в рассказе о князе Святославе [1, с. 68-78].

Подводя итог вышесказанному, можем констатировать, что в домонгольский период русской церковной организацией так и не были усвоены единые канонические требования к порядку возведения на архиерейские должности. Традиции выбора архиереев на епископских соборах не сложилась. Подбор кадров осуществлялся в зависимости от степени влияния киевскими митрополитами, княжеской властью, позднее, с середины XII в. – политическими элитами русских земель. Неотъемлемой частью процедуры поставления архиереев являлась хиротония, которая традиционно осуществлялась рукой киевского митрополита, но случались рецидивы, когда ее заменяла «глава святого Климента», поддержанная княжеской инвеституро́й. Необходимо отметить наличие на различных русских территориях глубоких различий в порядке возведения в сан кандидатов на епископские должности. Все вместе это позволяет говорить, во-первых, об отсутствии единого канонического пространства, и, во-вторых, о наличии различий в понимании обрядовых традиций и духовных осмыслений как порядка совершения хиротонии, так и участия в этом деле духовенства и мирян.

Список литературы

1. **Гайденко П. И.** Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси: буллы, верительные документы, сан, титулы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 18 (309). С. 68-78.
2. **Гидулянов П. В.** Митрополиты в первые три века христианства // Ученые записки имп. Московского университета Юридического факультета. М., 1905. Вып. 25. 377 с.
3. **Голубцов А. П.** Сборник статей по литургике и церковной археологии. Сергиев Посад, 1911. 144 с.
4. **Данилевский И. Н.** Холопское счастье Даниила Заточника // Казус-2002: индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 94-107.
5. **Дмитриевский А. А.** Богослужение в Русской Церкви в XVI в.: магистерская диссертация. Казань, 1884. Ч. I. Службы круга седьмичного и годичного и чинопоследования таинств. 305 с.
6. **Дмитриевский А. А.** Древнеиудейская синагога и ее богослужебные формы в отношении к древнехристианскому храму и его богослужебным формам // Православный собеседник. 1897. № 4. С. 333-370; № 5. С. 8-23.
7. **Дмитриевский А. А.** Книга Требник и ее значение в жизни православного христианина. Киев, 1902. 44 с.
8. **Дмитриевский А. А.** Современное богослужение на православном Востоке. Киев, 1891. Вып. 1. 153 с.
9. **Житие Кирилла Туровского** // Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 62-64.
10. **Корогодина М. В.** Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 113-117.
11. **Костромин К. А.** Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до сер. XII в.): дисс. … к.и.н. СПб., 2011. 241 с.
12. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи. 992-1892 гг. М., 2003. Т. 1. 543 с.
13. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи. 992-1892 гг. М., 2003. Т. 2. 607 с.
14. **Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.** Рязань, 2001. 639 с.
15. **Павлов А. С.** Критический опыт по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. 210 с.
16. **Покровский Н.** Власть и Церковь на Руси // Россия. 1997. Август. С. 70-75.
17. **Полное собрание русских летописей.** Л., 1926-1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 632 с.
18. **Полное собрание русских летописей.** М., 2000. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 256 с.
19. **Полное собрание русских летописей.** М., 2000. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 554 с.

20. Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. 638 с.
21. Поппе А. Митрополиты и князья в Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. 988-1237 гг. СПб., 1996. С. 443-471.
22. Пузанов В. В. Княжеские инсигнии в средневековой Руси и «Батыево знамение» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 102-111.
23. Пузанов В. В. Княжеские «клобуки» и «венцы»: к спорам о древнерусских инсигниях // *Actes testantibus*: ювілейний зб. на пошану Леонтія Войтовича / відпов. ред. Микола Литвин; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. Львів, 2011. Вип. 20. Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: зб. наук. праць. С. 569-581.
24. Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «Вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211-262.
25. Успенский Н. Д. Православная литургия: историко-литургические исследования. Праздники, тексты, устав. М., 2007. 432 с.
26. Успенский Н. Д. Святоотеческое учение о евхаристии и возникновение конфессиональных расхождений. СПб., 2004. 25 с.
27. Успенский Н. Д. Чин Всенощного бдения на православном Востоке и в Русской Церкви. М., 2003. 194 с.
28. Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. под. Я. Н. Щапов; отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 141-145.
29. Фомина Т. Ю. К вопросу о национальном и социальном происхождении архиереев домонгольской Руси // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. Ч. II. С. 200-205.
30. Фомина Т. Ю. Принципы подбора кандидатов на архиерейские должности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3. С. 177-182.
31. Хорошев А. С. Участие новгородской церкви в политической жизни (1200-1230 гг.) // Новое в археологии. М., 1972. С. 241-246.
32. Цыпин В. А. Каноническое право. М., 2009. 864 с.

ORDER OF APPOINTING HIERARCHS IN PRE-MONGOLIAN RUS

Fomina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in History
Naberezhnye Chelny Institute of Social and Pedagogical Technologies and Resources
stal73@yandex.ru

In the article on the basis of the complex of historical sources and historiography the author makes an attempt to reconstruct the rite of the elevation to the ecclesiastical rank of the hierarchs of pre-Mongolian Rus. The analysis of this procedure as a whole for the studied period is not possible. However, remained information indicates the absence of single canonical traditions within the territory of the Russian principalities, the presence of the regional peculiarities of the election of bishops and secular investiture for ensuring hierarchal power legitimacy.

Key words and phrases: Ancient Rus; church hierarchy; hierarchs; bishops.

УДК 130.2
Философские науки

В данной статье проводится сравнительный анализ работ Розанова и Витгенштейна и их стилистического оформления. Эти фигуры взяты для рассмотрения, поскольку не только сформировали взгляды на понятие «язык» в современной философии, но также предприняли независимо друг от друга попытки провести рефлексию над языком самой философии и, в конечном счете, рефлексию над взаимосвязью формы и содержания мысли. Такого рода сравнительный анализ Розанова и Витгенштейна проводится впервые.

Ключевые слова и фразы: стиль; философия В. В. Розанова; философия Л. Витгенштейна; неклассическая философия; ритм; язык философии.

Фролов Алексей Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет
aff-dos@yandex.ru

ПОНЯТИЕ СТИЛЯ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ. КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ В. РОЗАНОВА И Л. ВИТГЕНШТЕЙНА©

В философии вопрос стиля языка и мышления давно стал дискуссионным. Одним из наиболее ярких примеров полемики по этой тематике может послужить письмо, направленное в 1992 г. группой аналитических философов в редакцию газеты «The Times», в котором был высказан протест против присуждения Жаку Деррида ученой степени в области философии. В основе письма лежали два замечания. Первое замечание

© Фролов А. А., 2014